

раженной агрессивностью. Мизансценический рисунок роли был построен на том, что персонаж занимал все больше и больше жизненного пространства, в его движениях появлялась хозяйская уверенность и напористость. Этот персонаж становился зримым воплощением фразы Д. Мережковского о «грядущем хаме». И никаких иллюзий и сомнений о том, кто в ближайшем будущем станет хозяином вишневого сада, не оставалось.

В спектакле Театра для детей и молодежи (режиссер Б. Гранатов) эмоциональным камертоном стал мотив холода. Любопытно, что Баню, размышляя о пьесе Чехова, заметил: «Вишневый сад заканчивается, когда начинается зима» [1, с. 154]. Художник-постановщик С. Загребян предложил сценографическое решение, в котором ощущение зимы, заморозков является определяющим: сани стоят на сцене, Раневская влезает в валенки, огромные окна разукрашены морозными узорами. В этом пространстве всем зябко, неудобно, некомфортно. И в целом спектакль прочитывался как сценическое повествование о вымерзании душ, об утрате тепла «дворянского гнезда», об исчезновении целого пласта жизни. Изломанная пластика Раневской (Я. Лихотина) напоминала метания раненой птицы и механические движения куклы. Происходящее замораживало ее изнутри, лишало жизненных сил. Фирс в этом спектакле предстал существом без определенных гендерных признаков. Его играла актриса А. Кленчина, которая микшировала во внешнем облике персонажа женские черты, но их изначальное природное присутствие подспудно напоминало о себе, создавало впечатление человека-андрогина. Фирс представлял материальным воплощением духа этого дома, тем, кого древние римляне называли ларами или пенатами. Он олицетворял определенную модель мироустройства, основанную на осознанных ценностях, че-

ловеческих привязанностях и обязательствах. С такого существа начиналось создание «гнезда», без его присутствия оно не могло быть «свитом» и заселено.

В финале спектакля оставленный в пустом доме Фирс укладывался в лодку, все время присутствующую на сцене, и затихал в ней. Лодка отрывалась от поверхности, уходила ввысь, на глазах зрителей трансформируясь в колыбель. В какой-то момент она застывала, вмерзала в холодное пространство сцены. И это вмерзание, а не окончательное исчезновение рождало в зрительском восприятии надежду на возможность оттепели, перспективу оттаивания, возвращения «на круги своя». История о разорении «дворянского гнезда» обретала мифологический статус, символизируя конечность определенного временного цикла и бесконечность его повторений.

Выводы.

Два спектакля вологодских театров по пьесе «Вишневый сад», поставленные с разницей в десять лет, зафиксировали смену вектора тревог современной интеллигенции: от покорной отчаянности перед хамским напором безнравственной предприимчивости до осознания неизбежности культурных «заморозков» в определенные отрезки истории и стоической уверенности в их временности.

Литература

1. Баню, Ж. Наш театр – «Вишневый сад» / Ж. Баню. – М., 2000.
2. Зингерман, Б. Очерки истории драмы XX века / Б. Зингерман. – М., 1979.
3. Зингерман, Б. Театр Чехова и его мировое значение / Б. Зингерман. – М., 2001.

УДК 82-31 (17.82.31)

Ю. В. Розанов

Вологодский государственный университет

ПЛАГИАТ ИЗ ФОЛЬКЛОРА: СЛУЧАЙ А. М. РЕМИЗОВА

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)*

В статье рассматривается один из самых спорных эпизодов в истории русской литературы начала XX века – обвинение А. М. Ремизова в плагиате из фольклора. В центре внимания три аспекта этой истории: реакция литературного сообщества, стратегия защиты писателя и неожиданный финал – теоретическая статья Ремизова о «соборном мифотворчестве» младших символистов.

Плагиат, фольклор, литературный скандал, мифотворчество, символизм.

The article considers one of the most controversial episodes in the history of Russian literature of the beginning of the XXth century. That is the accusation of A.M. Remizov in folklore plagiarism. The focus is on three aspects of the story: the reaction of the literary community, protection strategy of a writer and a surprise ending – Remizov's theoretical article about the "conciliar myth-making" of younger Symbolists.

Введение.

Летом 1909 г. литературная жизнь Петербурга, как обычно, замерла – писатели разъехались по дачам. 16 июня Алексей Ремизов с женой возвращались в город с дачи приятеля – Корнея Чуковского – знаменитой впоследствии Куоккалы. Своя дача Ремизову была не по средствам. На Финляндском вокзале писатель по привычке купил вечернюю «Биржевку». В глаза бросилась фамилия «Ремизов» – его скромной персоне посвящена большая статья под странным названием «Писатель или списыватель?». Подпись «Мих. Мирон» ни о чем не говорила. Только дома Ремизов понял, в чем дело. Еще с 1905 года писатель занимался литературной обработкой фольклорных сказок; какие-то он помнил с детства, какие-то рассказывали знакомые. После выхода в конце 1908 г. сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки», в котором писатель обнаружил множество замечательных сюжетов, работа сказочника-модерниста пошла с удвоенной силой. Ремизовские переложения печатали, в основном, издания не очень высокого разбора: «Огонек», «Копейка», «Новый журнал для всех», «Скэтинг-ринг», детский журнал «Тропинка». Сказка как таковая элитарную публику еще не привлекала – мода на нее была впереди.

Основная часть.

Мих. Мирон начинает со старческого брюзжания: «Русский писатель г. Алексей Ремизов успел уже составить себе имя. «Молодые» вообще скоро делают себе имя... Из прилагаемых документов вы убедитесь, что г. Ремизов не писатель, а списыватель» [3, с. 5]. В качестве «документов» прилагаются обширные выдержки из двух сказок Ремизова «Мышонок» [10] и «Небо пало» [11] и соответствующие фрагменты одноименных сказок (№ 190, 216) из сборника Ончукова [16]. Автор статьи особо подчеркивает, что «списыватель» поленился даже переделывать заглавие. Выдержки напечатаны петитом парами столбцов – слева из Ончукова, справа из Ремизова. На журналистском жаргоне эпохи такой наглядный способ разоблачения плагиаторов назывался «поставить столбцы». Различий между «столбцами», действительно, почти не было. Вывод, как говорится, напрашивается сам собой, но Мих. Мирон по-иезуитски апеллирует к народу: «Предоставляю читателям судить, виновен ли г. Ремизов как писатель в гимназическом списывании с книги и заслуживает ли он какого-либо снисхождения даже у нашей благодушной публики».

Поначалу писатель не воспринял эту статью как серьезную угрозу. Через неделю, как и планировалось, супруги Ремизовы вместе с семьей Р. В. Иванова-Разумника отправились в путешествие по Волге на пароходе «Великий кн. Владимир», в июле отдыхали на Полтавщине, в имении Веры Гриневич Ольховый Рог.

Однако скандал не утихал, обвинительную статью полностью или в пересказе напечатали многие газеты. Журналисты не стеснялись в выражениях:

«литературный вор», «попался в плагиате», «стибрил две сказочки»... Не отставали и газетные художники. Одну из карикатур Ремизов запомнил на всю жизнь: «... Жиром заплывшая морда, по носу узнаю себя, пауком среди книг, в руках ножницы...» [15, с. 189]. Началась травля писателя и даже самые желтые издания гордо отказывались «печатать плагиатора». Ремизов позднее вспоминал: «...В одну туркнулся редакцию и с солидной рекомендацией – К. И. Чуковский написал – дело верное, а отказали, в другую пошел – там обещан был аванс 15 р., говорят, впредь до выяснения невозможно» [13, с. 92]. Ситуация усугублялась и тем, что других источников дохода, кроме литературных гонораров, у Ремизова не было.

В этой истории наибольший интерес представляют два аспекта: реакция писательского сообщества и поведение самого героя скандала. Вопрос об авторе обвинительной статьи представляется частным, но, понятное дело, современников он волновал более всего. Ремизов, как и подавляющее большинство причастных к миру литературы и журналистики, считал, что статью написал известный критик, автор забавных пародий на писателей А. А. Измайлов, постоянный автор литературных обзоров в «Биржевке». Толки о неблагоприятном поступке критика несколько месяцев циркулировали в литературных кругах, поэтому Измайлов решил откреститься от злополучной статьи. 25 марта 1910 г. он написал Ф. К. Сологубу: «Моя личная точка зрения на все недоразумения, связанные с кричащим термином «плагиат» не совпадает с редакционной. <...> Для меня нет ничего отвратительнее восторженного захлебывания толпы, когда Чуковский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие в статье с выражениями какого-то англичанина, ... или Ремизова за пользование сказкой. Я уезжал на Кашинские торжества, когда приняли обвинение Ремизова и, забрав корректуру письма, доказывал, что не стоит его давать. Добился только того, что смягчили выражения» [18, с. 207–208]. У нас нет оснований подозревать Измайлова в неискренности, да и литературная репутация его не предполагает подобных заключений. Мягкий характер и «тонкую литературно-нравственную щепетильность» критика отмечал, например, А. Л. Волынский [17, с. 79–80]. Тем более, по наблюдению И. Ф. Даниловой, «статья «Писатель или списыватель?» написана в стилистике, не характерной для... работ Измайлова» [1, с. 285]. Хотя имя Чуковского было тесно связано с темой разоблачения плагиаторов, Ремизов считал его своим другом и защитником: «... К моей судьбе у него полное сочувствие и он всегда готов мне помочь» [15, с. 184]. Буквально на следующий день после появления статьи Чуковский в письме к Ремизову выразил желание «задать перцу невежественным сволочам» [5, с. 158].

Именами Измайлова и Чуковского и исчерпывается список подозреваемых по этому делу. Нам представляется, что точку в этом сюжете ставить преждевременно. Но перейдем пока к реакции лите-

ратурной корпорации, которая, прямо скажем, была неоднозначной.

Первым на защиту писателя стал представитель той самой «низовой журналистики» Александр Котылев: «В поздний час – в Петербурге можно – с захлебнувшимся звонком и под стук кулаками навалилась орава – Котылев, Маныч с подручными, галдя. Вся наша комната битком. <...> – Мы пришли выразить вам сочувствие. <...> Тут были всякие под рост и в пору Марку Бернару: биржа, утопленники, мордобой, поножовщина, скандалы. Все свои. <...> – Мерзавцу, возгласил Котылев под одобрение вращающегося круга, в театре публично набьем морду» [15, 187]¹.

Обратим внимание, что вторжение газетной братии в тихую квартиру писателя в Казачьем переулке стилизовано под эпизод из романа «Идиот», в котором описывается появление компании Рогожина в квартире Иволгиных. Ситуация а la Достоевский подчеркивается еще и репликой мемуариста после того, как «комната опустела»: «А ведь Котылев ... убежден, что я содрал сказку и попался» [15, с. 188].

Примерно в таком же брутальном стиле отреагировал на происшедшее тогда еще Виктор (а не Велимир) Хлебников. 10 июня Хлебников уезжает к родственникам в Святошино, пригород Киева. В день отъезда он встречается с Ремизовым, который жалуется ему на усиливающиеся нападки критики и просит присылать вырезки из киевских газет с откликами на его произведения. Фельетон из «Биржевки» перепечатала и газета «Киевская мысль», номер которой от 19 июня попал в руки Хлебникова. Его реакция, конкретная и эмоциональная, известна по письму Каменскому от 8 августа: «Но вот в «Киевской мысли» появляется перепечатка из «Биржевых ведомостей» под заглавием «Плагият писателя», где в тоне, за который быют по морде, говорилось о якобы плагиате рассказа «Мышонок» в сборнике «Италия». <...> Пусть Алексей Михайлович помнит, что каждый из друзей гордо встанет у барьера защищать его честь и честь вообще русского писателя, как гайдамак вставал за право родины. Я был бы гордым встать у барьера за честь Ал<ексея> М<ихайловича> и за честь вообще писателя. Об этом о всем, о чем я не мог написать Ал<ексею> М<ихайловичу>, я пишу вам, думая, что вы передадите ему многое из написанного [19, с. 358–359]. На дуэль Хлебников собирался вызвать владельца «Биржевых ведомостей» С. М. Проппера. Близкий друг писателя Н. В. Резникова уже после его смерти писала: «От Ал<ексея> М<ихайловича> я никогда не слышала об этом. Ради утверждения созданного им самим «образа» А. М.

мог умалчивать о самоотверженных поступках по отношению к нему» [8, с. 91]. Это очень верное замечание, но не для этого эпизода. Собственно «поступка», дуэли не было, да и не могло быть. Газетный магнат Проппер не мог отвечать за все материалы, печатавшиеся в его изданиях. Эпизод с несостоявшейся дуэлью не отразился в мемуарах Ремизова – экстравагантный порыв будетлянина писатель совершенно справедливо счел несерьезным.

Мальчишеством посчитал Ремизов и заступничество другого своего ученика – М. М. Пришвина. У Пришвина был веский повод вмешаться в эту историю – одна из инкриминируемых Ремизову сказок в сборнике Ончукова – «Мышенки» – в его записи. Верный ученик уже через пять дней опубликовал в петербургской газете «Слово» статью в защиту Ремизова [7, с. 5]. Главный аргумент Пришвина состоит в том, что в статье Мих. Мирово только «иллюзия тождества», что «он выпускает то, что добавлено г. Ремизовым». В этих добавлениях, по Пришвину, и заключается суть сказки: «Пользуясь указаниями акад. Шахматова беречь при записях народные слова, я часто упускал целое сказок за частностями. Своей обработкой А. Ремизов часто воссоздавал мне не только смысл сказки, но и образы, и быт рассказчиков». Пришвин представляет Ремизова неким носителем народного духа, который немногочисленными, но «мастерскими штрихами» возвращает сказке ее истинный смысл и вид. Герой скандала надеялся на более серьезную защиту, на солидную газету «Русские ведомости», одним из руководителей которой был двоюродный брат Пришвина С. Н. Игнатов. Однако братья не смогли договориться. А пришвинская статья в «Слове» не расценивалась Ремизовым как большое достижение – редактора газеты Г. Н. Штильмана писатель и так считал своим «снисходительным покровителем» [14, с. 467].

В книге «Петербургский буерак» Ремизов приводит свой разговор с В. В. Розановым: «В. В. Розанов газет не читает. Я ему рассказал о Измайлове. – Баснописец? – Да никакой не баснописец, сын смоленского дьякона, «тараканомор» главный в «Биржевке». – А ты напиши опровержение. – Пришвину отказали. – Пришвин мальчишка, ты сам напиши. А я подумал: «Одно слово Шахматова, и всем горло заткнул» [15, с. 188]. Академик А. А. Шахматов не только высший авторитет в филологии, но и своего рода потенциальный волшебный помощник, который защитит писателя в самую трудную минуту. О мистической связи с Шахматовым Ремизов писал в рассказе «Магнит». Но на данную историю со стороны академика никакой реакции не было... да и рассчитывать, что он сойдет с Олимпа и вмешается в газетные дразги было очень наивно.

Зато вполне могли замолвить слово в защиту обиженного писателя другие известные люди. Например, составитель сборника Ончуков. Собственно, это и ожидалось. Виктор Гофман, обсуждая в переписке с приятелем ремизовскую историю, вскользь заметил: «Письмо Ончука или еще кого-то действительно в газетах было...» [6, с. 257]. На самом деле никакого письма Ончукова не было, Гофман, оче-

¹ Судя по записи Ремизова в рабочей тетради 1948 год намерение Котылева почти осуществилось: «А. А. Измайлов не показывается в театре после выразительной сцены: в антракте к нему подошел Котылев, за которым стеной поднялись его оголтелые подручные – мелкие репортеры по скандальным и пожарным происшествиям. «За Ремизова», – сказал Котылев и поднял кулак: мерзавец! – и оборотясь к свите: – плонул бы в рожу, да споней жалко, кладбищенская падаль!» [9, с. 464].

видно, имел в виду уже упомянутое письмо Пришвина. Фольклорист-дилетант Ончуков после выхода в 1904 г. сборника «Печерские былины» и, соответственно, открытия еще одной региональной эпической традиции стал известен в научном мире. Ончуков благосклонно относился к работе Ремизова с фольклорными источниками, одобрил «Посолонь». За полтора года до выхода своих «Северных сказок» он писал Ремизову: «Сочту не долгом, а удовольствием доставить свои сказки Вам, как только они выйдут из печати. Такого усердного читателя, как Вы, нынче поискать» [12, с. 642]. Однако во время скандала с Ремизовым фольклорист повел себя на первый взгляд странно. В 1909 г. Ончуков жил в родном Сарапуле (Вятской губернии), прекратил научную деятельность, зато много занимался местными делами: был избран гласным в городскую думу, работал над созданием краеведческого музея, выпускал и редактировал собственную газету «Прикамская жизнь». В этой газете он 8 июля без всяких комментариев полностью перепечатал статью из «Биржевки». Жест довольно красноречивый. Что же могло так разозлить фольклориста? Возможно, поставленное на поток производство сказок Ремизовым. Еще до летнего происшествия писатель успел напечатать в разных местах не менее 12 сказок в своей обработке из книги Ончукова, причем без указания на источник заимствования. Такие нравы «новой литературы» Ончуков вряд ли одобрял и вполне мог посчитать себя обкраденным. Денежная сторона вопроса здесь не была главной, но и ее нельзя сбрасывать со счетов. Ополчившиеся на «списывателя» газеты стыдили его и за то, что он брал деньги за сказки. В мемуарах Ремизов припоминает, что за сказку «Небо пало» он получил полтора рубля [15, с. 182]. Конечно, были и более существенные гонорары. Когда в 1914 г. все эти сказки были напечатаны в книге Ремизова «Докука и балагурье» писатель перед списком источников поставил иронический эпиграф: «Подари, государь, колядовщиков! / Наша коляда ни рубль, ни полтина, / А всего пол-алтына!» [12, с. 332]. Намек на ничтожный гонорар и ответ тем газетчикам, которые обвиняли его в обогащении за счет фольклора. Не исключено, что Ончуков и был автором обвинительной статьи. До начала занятий наукой он несколько лет работал журналистом, печатался в таких петербургских изданиях как «Неделя», «Сын отечества», «Северный курьер», «Новое время». Да и его собственные научные статьи, по замечанию современного исследователя, отличались «излишней публицистичностью и поверхностным «газетным» стилем» [4, с. 329].

Другим защитником обиженного писателя мог стать Вяч. Иванов. Ремизов входил в «башенную группу», хотя и не в самый ближний круг, много раз присутствовал на Ивановских средах, печатался в семейном издательстве «Оры». В литературной среде обвинение Ремизова воспринималось и как удар по всей группе модернистов. В. В. Гофман в письме к А. А. Шемшурину от 28 августа 1909 г. прямо указывает на это: «А один из друзей-защитников – Гумилев – сообщил мне даже в оправдание Ремизова,

что вообще все *неонационалисты* [выделено Гофманом. – Ю. Р.] так поступают: и Городецкий и гр. Алекс<ей> Ник<олаевич> Толстой. И поэтому, следовательно, это в порядке вещей» [6, с. 257]. Склонность к обобщениям проявили и газетчики. «Модернисты» сделали еще крупный шаг в литературной технике... Самый простой способ сделаться «народным» писателем», – констатировало «Новое время». Была скомпрометирована генеральная на тот момент идея Вяч. Иванова – сближение с народом через миф, фольклор, «соборность».

В башенных кругах готовился обстоятельный ответ на статью в «Биржевке» – его писал М. А. Волошин – но по неизвестным причинам публикация не состоялась. И. Ф. Данилова опубликовала черновик статьи в качестве приложения к своей работе [1, с. 292–316]. Судя по нему, статья Волошина не укладывалась в газетный формат, изобиловала отступлениями и отсылками к западноевропейской литературе. Некоторые положения статьи могли еще более настроить обывателя против Ремизова и прочих «декадентов». «Плагат... Это понятие, – рассуждает Волошин, – еще не приобрело у нас характера литературного бедствия, как во Франции, например» [1, с. 292]. Читатели со стажем несомненно понимали, как быстро распространяется литературная мода. Они помнили, как десять лет назад властитель дум Н. К. Михайловский успокаивал русского читателя, уверяя, что декаданс, заполонивший Европу, до нас никогда не доберется. Однако же... Не в пользу Ремизова и всей группы звучало и пафосное утверждение Волошина, что «искусство цитат действительно великое диалектическое искусство, которым можно изменить лик вселенной...» [1, с. 294].

Словом, авторитетных защитников не нашлось, и Ремизову самому пришлось писать объяснительное письмо и самому заботиться о его распространении. На необходимости такого письма настаивали как «покровители» писателя в газетно-журнальном мире (Д. А. Левин, С. В. Лурье), так и Вяч. Иванов.

Выводы.

В своем письме в редакцию «Русских ведомостей», напечатанном 3 сентября 1909 г., он пишет о высшей цели своего творчества по фольклорным источникам: «Работая над материалом, я ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах» [12, с. 607]. Методику своей работы писатель объясняет в духе сравнительного метода, который, можно сказать, составлял главное достижение и главный пафос гуманитарной науки в XVIII–XIX веках. «При воссоздании народного мифа, – писал Ремизов, – все сводится к разнообразному сопоставлению известных, связанных с данным именем или обычаем фактов и к сравнительному изучению сходных у других народов, чтобы в конце концов проникнуть от бессмысленного и загадочного в имени или обычае к его душе и жизни, которую и требуется изобразить» [2, с. 608]. Другим способом работы писателя-символиста с фольклорным мате-

риалом Ремизов считал «художественный пересказ», когда задача художника сводится к тонкой редакторской правке.

Далее в своем письме-манифесте Ремизов конкретизирует идею реконструкции праславянского мифа, представляя ее растянутым по времени процессом некоего коллективного мифотворчества, что близко к концепции «соборного творчества» Вяч. Иванова. Он пишет: «Ставя своей задачей воссоздание нашего народного мифа, выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, я, кладя мой, может быть, один единственный камень [выделено нами. – Ю. Р.] для создания будущего большого произведения, которое даст целое царство народного мифа, считаю своим долгом ... вводить примечания и раскрывать в них ход моей работы. Может быть, равный или те, кто сильнее и одареннее меня, пытая и пользуясь моими указаниями, уже с меньшей трайтой сил принесут и не один, а десять камней и положат их выше моего и ближе к венцу» [12, с. 608–609]. Поэтому вполне закономерной выглядит реакция Вяч. Иванова, который, прочитав ремизовское «Письмо в редакцию», отметил в дневнике, что оно «обстоятельное и интересное как статья – о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами» [2, с. 803].

Литература

1. Данилова, И. Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала / И. Ф. Данилова // История и повествование: Сборник статей. – М., 2006.
2. Иванов, В. Собрание сочинений. – Т. 2. / В. И. Иванов. – Брюссель, 1974.
3. Милов, Мих. Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) / М. Милов // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. – 1909. – 16 июня.
4. Пашков, А. М. Заонежье глазами путешественников начала XX века / А. М. Пашков // Международная научная конференция «Рябининские чтения – 95»: Сборник докладов. – Петрозаводск, 1997.
5. Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вст. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. – 2007. – №3.
6. Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / Публ. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. – СПб., 2003.
7. Пришвин, М. Плагиатор ли Ремизов? (Письмо в редакцию) / М. М. Пришвин // Слово. – 1909. – 21 июня. – № 833.
8. Резникова, Н. А. М. Ремизов о себе / Н. А. Резникова // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. – М., 1994.
9. Ремизов, А. М. Кукха. Розановы письма / А. М. Ремизов. – СПб., 2011.
10. Ремизов, А. Мышонок / А. М. Ремизов // Италия. Литературный сборник в пользу землетрясения в Мессине. – СПб., 1909.
11. Ремизов, А. Небо пало / А. М. Ремизов // Всемирная панорама. – 1909. – №5.
12. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 2. Докука и балагурье / А. М. Ремизов. – М., 2000.
13. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 7. Ахру / А. М. Ремизов. – М., 2002.
14. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / А. М. Ремизов. – М., 2000.
15. Ремизов, А. М. Собр. соч. – Т. 10. Петербургский буерак / А. М. Ремизов. – М., 2003.
16. Северные сказки. (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова / Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. 33. – СПб., 1908.
17. Тяпков, С. Леонид Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова / С. Тяпков // Творчество писателя и литературный процесс: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1978.
18. Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. – СПб., 1999.
19. Хлебников, В. Неизданные произведения / В. Хлебников. – М., 1940.

УДК 81'371

С. Н. Смольников

Вологодский государственный университет

СЕМАНТИКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ВОЛОГОДСКИЙ» И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (15-04-00364а «Вологодский текст в русской словесности»)

Словосочетания с прилагательным «вологодский», представленные в «Национальном корпусе русского языка», отражают совокупность понятий, которая определяет региональную идентичность образа Вологодского края, воспринимаемого с «внешней» точки зрения. Семантика определения «вологодский» неоднозначна, поскольку связана с различными хронотопами. В художественных, автобиографических и публицистических контекстах она испытывает приращения оценочных, коннотативных значений, составляющих аксиологическую направленность формируемого образа региона.

Лексическая семантика, региональная идентичность, топонимическое определение в художественных и нехудожественных текстах.

Phrases with the adjective «vologodsky» presented in the Russian National Corpus represent the set of concepts that defines the regional identity of Vologda region as it is perceived from outside the region. The semantics of the adjective «vologodsky» is poly-